

— Вѣдь не прошибешь, ничѣмъ не прошибешь, толстомясую дубину! — посылаетъ въ догонку Ермолай Иванычъ въ какомъ-то отчаяніи, бросаясь на стулъ и хватаясь за свои инструменты дрожащими отъ волненія руками.

Не рѣдко намъ, малымъ ребятамъ, приходилось присутствовать при подобныхъ сценахъ и много житейской подлости и грязи видѣли мы въ такомъ сильномъ освѣщеніи презрѣнія и горькаго смѣха. Онъ, не стѣсняясь, велъ при насъ такіе разговоры, и «простодушный» обыватель нерѣдко служилъ для насъ «илогомъ», не понимая «въ простотѣ души» своей постыдной роли. Но какъ только Ермолай Иванычъ сталъ почаще «отвѣлывать эти штуки», такъ ряды его посѣтителей порѣдѣли значительно: скоро въ нему стали ходить только такіе люди, которые, лишь бы послушать остроумной и ѣдкой брани, готовы были даже себя отдать на поруганье, точно имъ это поруганье дѣйствительно «какъ стѣнѣ горохъ», лишь бы смѣшно и занято было; или такіе, въ комъ его горячія рѣчи будили что-то въ глубинѣ души, съ чѣмъ не хотѣлось разсаваться, а скорѣе зарождалось желанье понять, что это тамъ такое странное засѣло и мѣшаетъ ясными глазами, въ простотѣ, созерцать міръ Божій, — да бѣгали мы, малые ребята.

Изъ посѣтителей второй категоріи я помню одного юношу, приказчика изъ самой богатой въ городѣ лавки «панскихъ товаровъ» купцовъ NN. Онъ былъ родственникъ хозяина лавки, одѣвался всегда франтомъ, по модному, бросалъ деньгами зря, по обычаю всѣхъ «соврасовъ», но жилъ какъ-то порывисто, точно стараясь заглушить въ себѣ какого-то червя, который «нутро сосѣтъ — не отходить». То онъ шумно весель, говоритъ глупости, хохочетъ, чуть не прыгаетъ, какъ теленокъ весной; то угрюмый сидитъ и жалуется на свое разнесчастное житье. Сирота-моль онъ горькая, долженъ самъ о себѣ подумать, а между прочимъ, дяденька держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ, все онъ долженъ кланяться, смотрѣть изъ рукъ, жить на помочахъ!..

Ермолай Иванычъ раздражался этимъ нытьемъ. Онъ обрушивался на торговлю, на обманъ, на мерзость жизни въ этой средѣ и обстановкѣ, растлѣвающей тѣло и душу. Онъ злобно смѣялся надъ этимъ беспомощнымъ хныканьемъ; гдѣ-то у человека чешется, а невѣдомо гдѣ, лѣнь руки приложить!.. Тяжко жить безъ своей воли, а скажи: ступай, возмись за честный трудъ, ѣшь сухую корку заработаннаго хлѣба, да! какъ же!.. Зубки сломаешь, тяжело, непереносно!..

Юноша жадно вслушивался въ эти рѣчи, смиренно перене-